

Всё дальше и дальше уходит от нас Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. И всё меньше и меньше остаётся участников и очевидцев тех страшных событий. Но прошлое нельзя забывать. Ведь за то, что мы живём сейчас мирно и счастливо, отданы миллионы жизней в борьбе с фашистами.

Война... Мы, поколение, не знающие войны, но только от одного произношения этого простого и незамысловатого слова замирает сердце. Для нас это самое страшное слово... Война... В истории нашей страны было множество войн. Но, пожалуй, самой страшной, жестокой и беспощадной была Великая Отечественная война.

Война и дети... Трудно представить что-то более несовместимое. Какое сердце не обожжет память огненных лет, ставших суровым испытанием для миллионов советских ребят, которым нынче уже за семьдесят! Война разом оборвала их звонкие песни. Черной молнией пронеслась она по пионерским лагерям, дачам, дворам и околицам - всюду солнечное утро 22 июня предвещало новый радостный день летних каникул. Затрубили тревожно горны: «Война!»

Уходили на фронт отцы, старшие братья. Рвались и мальчишки в бой, осаждая военкоматы. От мирных, привычных забот не осталось и следа. Срочно перестраивали работу заводы, фабрики, колхозы, все учреждения. «Всё для фронта! Всё для Победы!» - этот лозунг военного времени требовал огромной работы, полной отдачи сил от каждого.

Тяжелой ношей легли на детские плечи заботы трудового фронта. И по истине «гулливеровскими» были нормы выработки на полях, где трудились мальчишки и девчонки, тысячи гектаров скошенного хлеба, тысячи связанных снопов, тысячи намолоченного зерна.

Дети войны. Все они были родными для фронта. Дети войны верили в победу и, как могли, приближали ее. Родина, теряя в смертельной схватке с врагом их отцов, верила в светлое, счастливое будущее своего юного поколения. Несмотря на тяжелые условия, в которых жили дети: голод, холод, им приходилось вставать чуть свет, идти помогать своим мамам, сестрам, бабушкам, дедушкам, они понимали, что без их помощи в тылу просто не обойтись. Мы не можем себе представить, что дети такие же, как мы, совершили такой подвиг. Мы просто удивляемся, откуда у женщин брались силы работать в голод и холод, ухаживать за своими детьми, отправлять письма и посылки на фронт.

Мы иногда думаем о том, что вот каждый день мы ходим в школу, учимся, развлекаемся в свободное время, грустим, веселимся.... Жизнь кажется нам то светлой, то мрачной. Но часто ли мы находим время для того, чтобы вспомнить? Вспомнить тех, кто воевал и не вернулся с поля боя, вспомнить о тех, кто жил в оккупации, боролся за жизнь и смог выжить....

Наше поколение в неоплатном долгу перед теми, кто был на полях сражений; перед теми, кто трудился в тылу, чтобы заводы и фабрики ни на минуту не остановились, посыпая на фронт всё, что нужно для Победы.

Учащиеся Коковчинской ДССШ ухаживают за могилой учительницы – партизанки Анны Григорьевны Лешко, похороненной на Коковчинском кладбище

в аг. Коковчино Сенненского района. В День Победы на могилу возлагаются цветы, проводятся микро-митинги.

13 апреля 2015 года на адрес Коковчинской средней школы пришло письмо от дочери Лешко Анны Григорьевны, Анохиной Жанны Васильевны, проживающей в г. Чита. (Приложение 1)

Последняя связь с Жанной Васильевной была в 1982 году, тогда она вместе с мужем приезжала на могилу Анны Григорьевны. (Приложение 2. Фотография дочери А. Г. Лешко, Жанны Васильевны Анохиной (Лешко), внучки Анны и мужа Жанны Васильевны, Михаила Ивановича).

Сейчас Жанне Васильевне 78 лет. В своём письме она рассказывает о матери и отце, высказывает просьбу о проведении в порядок могилы Анны Григорьевны. В ответ на письмо Жанны Васильевны послана фотография могилы Анны Григорьевны, поздравление с праздником Победы, и рассказ о том, что учащиеся школы всегда убирают могилу, приносят цветы, проводят воспитательные мероприятия, один из пионерских отрядов носит ее имя. В ответ получили письмо от дочери Ж. В. Анохиной (Лешко, Ан)ны Михайловны Анохиной (приложение 2).

Война... Отвратительное ее лицо, никогда не сотрется из народной памяти. Холодные и безжалостные глаза смотрели стволами орудий на бойцов, идущих в атаку, страшными кровавыми ранами - на медсестер, санитаров, хирургов, смотрели на изнеможенных, голодных рабочих у станков, неся горе и смерть. Грубые ее руки вырывали жертвы из каждого дома, каждой семьи. У войны не женское лицо.... Да, не женское, доле женщины в годы войны не позавидуешь.

...Да разве ж об этом расскажешь -

В какие ты годы жила!

Какая безмерная тяжесть

На женские плечи легла!..

(М. Исаковский. "Русской женщине". 1945)

Женщина – нежная, прекрасная, созданная природой для любви, для выполнения великой миссии «матери». Женщина, соединившая в себе «... и богатство и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь», была вынуждена взять в руки оружие. Девушки, вчерашние школьницы, на хрупких плечиках своих среди разрывов снарядов выносили из поля боя раненных бойцов. Девочки сутками простоявали у станков и не разгибали спины на колхозных полях. Кроме того, она подрывала мосты, ходила в разведку, осуществляла связь между группами бойцов.

Несмотря на прошедшие десятилетия, историки снова и снова возвращаются к суровым военным годам, пытаясь понять, осмыслить и всесторонне обосновать истоки боевой и трудовой доблести тех, кто стоял насмерть, защищая советскую землю с оружием в руках, и кто ковал победу над фашизмом в тылу страны.

Тема войны всегда актуальна, без знания прошлого своей страны нельзя ни понять, ни оценить по достоинству сегодняшний день, представить свое будущее. Историческая память – великая сила, нравственная и культурная. Нынешнее поколение должно воспринимать и продолжать замечательную традицию уважения к нашей истории, хранить благодарную память о тех, кто доблестно защищал и спасал нашу Родину от порабощения иноземными захватчиками.

Война – это трагедия, особенно для женщин и детей, и не случайно во все времена чувства женщин – матерей, сестер, жен, сливались в одном призывае «Нет оружию! Нет войне!» В то же время женщина всегда была защитницей своих детей и своего Отечества. Она становилась добровольной участницей военных действий и совершала подвиги, отлично понимая свой гражданский долг перед Родиной. Женский подвиг на войне – свидетельство единства людей перед лицом опасности, доказательство преступной бессмыслицы войны. Женщина на войне – это поистине целый мир, содержащий в себе такие непреходящие ценности, как достоинство, честь, мужество, готовность к самопожертвованию, стремление к справедливости.

И, тем, не менее, еще никогда во всей прошлой истории женщины не участвовали так самоотверженно в защите своей Родины, как в войне 1941-1945-х годов. Рядом с мужчинами шагали они по пыльным дорогам войны, вязли в болотах, летали на самолетах, выслеживали врага, помогали в тылу.

Качается рожь несжатая,
Шагают бойцы по ней,
Шагаем и мы - девчата,
Похожие на парней...

(Ю. Друнина)

Об этом написано много книг, статей, воспоминаний. Например: художественный фильм режиссера С. Ростоцкого «А зори здесь тихие...» и другие авторы. Достаточно много и мемуаров ветеранов Великой Отечественной войны, раскрывающих роль женщины на войне, статей в газетах и интернете. Особенno меня поразила книга Светланы Алексеевич «У войны не женское лицо». В этих источниках говорится о том, что восприятие войны женщинами отличается от восприятия войны мужчинами. А так же такие произведения, как «Дочери России» И. Черняевой, «Советские женщины в Великой Отечественной войне» В. С. Муромцевой и другие.

Более семидесяти лет минуло с того дня, когда усталый и счастливый советский солдат вытер с лица пороховую грязь последнего самого трудного боя. Он дошел до Германии, он совершил невиданный ратный подвиг. Он выстоял в самой страшной войне и победил! Но в этой Великой победе есть немалая доля женщин – тружениц, женщин – солдат.

Сегодня мы склоняем головы перед теми, кто защищал Отечество и мир от фашизма. Спасибо вам!

Но часто ли мы находим время для того, чтобы вспомнить? Вспомнить тех, кто воевал и не вернулся с поля боя, вспомнить о тех, кто жил в оккупации, боролся за жизнь и смог выжить....

Женщины на фронтах Великой Отечественной войны.

Женщина на войне... 800 тысяч советских женщин участвовало в Великой Отечественной войне. Вдумайтесь: почти миллион юных, красивых, готовых любить и быть любимыми, мечтающих о семье и материнстве надели солдатские шинели, чтобы вместе со всей страной встать навстречу врагу. Думая о них, особенно отчетливо понимаешь всю противоестественность войны. Женщины, чья сущность – милосердие, вынуждены были сбрасывать бомбы, подрывать мосты, смотреть в оптический прицел снайперской винтовки... Наверное, не было в те годы такой военной работы, которую не делали наши женщины. Во имя жизни, во имя будущих детей, во имя добра и любви.

Женщины в тылу врага

В условиях войны от работы миллионов женщин во многом зависел успех советского народа в тылу.

Одной из наиболее эффективных форм всенародной борьбы в тылу врага являлись действия вооруженных партизанских отрядов. Массовое распространение получили они в Белоруссии, на Украине, в Крыму, в Орловской, Смоленской, Калининской, Ленинградской областях, Краснодарском крае. В названных районах сражалось 193798 партизан, в том числе свыше 18 тысяч женщин. Нередко в партизанских отрядах состояли целые семьи патриотов своей страны.

Геройски сражались с оккупантами женщины и девушки. Очень четко и точно выражают чувства всех женщин нашей страны слова калининской учительницы, организатора и руководителя женского партизанского отряда Т. Б. Киселевой, сказанные в беседе на встрече с американским дипломатом Дэвисом в январе 1944 года. Разглядывая орден Красного Знамени, он спросил:

«Неужели вы, девушка, были партизанкой? Мне очень трудно понять. Ведь война – это очень страшно. Как же на это идут такие, как вы? А ведь вас было много...»

Татьяна Борисовна вместо ответа задала вопрос:

- Скажите, мистер Дэвис, а у вас есть дети?
- Есть, - ответил дипломат, - а в чем дело?
- И вы, конечно, любите их?
- О, да, конечно, - с улыбкой ответил он. – Кто не любит детей?
- А теперь скажите, как бы вы поступили и ваша жена, если бы в ваш дом ворвались разбойники?

- О, это и так понятно - стали бы защищаться.... Но зачем об этом?

- Затем, чтобы вы поняли, почему наши женщины вслед за своими мужьями и отцами взяли в руки винтовки.... Да, было страшно, но сильнее страха была наша любовь в Родине, к жизни».

Люди трудились, не жалея себя. «Все для фронта, все для победы!»- часто слышалось в устах их. И не смотря на то, что это была титаническая, трудная работа: в тылу делалось все возможное, чтобы помочь солдатам на передовой.

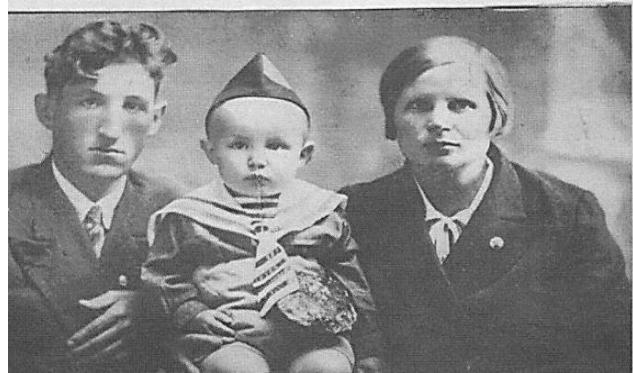
Бессмертен подвиг тружениц тыла, которые ковали оружие победы, работали и за себя, и за тех, кто ушел на фронт. Об этом прекрасно сказано в приветствии ЦК

по случаю Международного женского дня – 8 Марта: «Если бы удалось найти такие весы, чтобы на дну чашу можно было положить военный подвиг наших солдат, а на другую – трудовой подвиг советских женщин, то чаши этих весов, наверно, стояли бы вровень, как стояли, не дрогнув, под военной грозой в одном строю с мужьями и сыновьями героические советские женщины».

Женщины, женщины, женщины.... Это о них говорил М.И. Калинин, что все предыдущее бледнеет «перед героизмом и жертвенностью советских женщин». Вот и наша исследовательская работа посвящена женщине, женщине - матери, жене, учительнице, женщине – партизанке.

Фотография - Анна Григорьевна Лешко с сыном Аликом и мужем Василием Константиновичем Лешко

Анна Григорьевна Лешко

Анна Григорьевна Коваленко (Лешко по мужу) родилась 15 декабря 1916 года в селе Бабиничи Оршанского уезда Витебской губернии. Родители работали в колхозе (со времени его основания). До него занимались сельским хозяйством. Анна Григорьевна рано лишилась отца, с ранних лет пошла трудиться. В 1931 году окончила семилетнюю школу в городе Орша. В том же году пошла работать счетоводом колхоза в деревню Заполье. В 1933 году колхоз послал учить на рабфак в г. Могилев (на рабочие факультеты принимали не только детей рабочих, но и крестьян – бедняков). Оттуда через подготовительные курсы в 1934 году поступила учиться в Могилевский педагогический институт на географический факультет. После окончания института стала работать в Коковчинской школе. В 1937 году она вышла замуж за Василия Константиновича Лешко, который окончил тот же институт и работал директором Заstadtольской неполной средней школы, Богушевского района, а с 1938 года директором Коковчинской средней школы. В ноябре 1939 года был призван в Красную Армию.

Когда началась Великая Отечественная война, Анна Григорьевна с матерью мужа Анной Васильевной Лешко, с детьми: сыном Аликом (1938 года рождения), дочерью Жанной (1939 года рождения), дочерью Валей (1941 года рождения), не успев эвакуироваться, остались на оккупированной врагом территории. Жили в школе. Анна Григорьевна при таком положении вести борьбу с врагом. Скоро она установила связь с партизанами и стала работать связной Первой партизанской бригады имени Героя Советского Союза Константина Сергеевича Заслонова, одновременно руководя подпольщиками на территории сельского совета. Устанавливала связь с местными коммунистами, комсомольцами и теми, кто ненавидел врага. Выполняя задания партизанской бригады, А. Г. Лешко в любое время суток, в любую пору года пешком ходила в Оршу для связи с Оршанским подпольем, собирала для партизанской бригады сведения о противнике, о движении эшелонов с вражескими войсками и техникой через Оршанский железнодорожный узел.

После страшных пыток 15 декабря 1943 года Анна Григорьевна была тайно расстреляна в Гавриловском (Догановском) лесу. Разыскали тело Анны Григорьевны колхозники деревни Крупяжино Киселев Федор Селиверстрович и партизанский связной и разведчик Юденок Трафим Авакумович. Они же произвели захоронение. Похоронена Анна Григорьевна на Коковчинском кладбище вместе с сыном Аликом, погибшим от руки врага и июне 1944 года. 9 мая 1971 года на могиле Анны Григорьевны был открыт памятник.

Фотография - Памятник на могиле А. Г. Лешко.
Члены разновозрастного отряда

Воспоминания двоюродной сестры Хромченко Раисы Степановны

«Она была находчивой и смелой женщиной, под любыми предлогами и маскировкой обыденной жизни, беспрепятственной достигала любых пунктов», - так пишет ее двоюродная сестра Хромченко Раиса Степановна.

Для проникновения во вражеский гарнизон, для встречи с подпольщиками, чтобы обмануть следивших за ней фашистов, она зашла в амбулаторию и вырвала здоровый зуб и таким путем отделалась от преследователей. Чтобы выполнить задание партизанского командования, Анна Григорьевна уходила на разведку рано утром и возвращалась поздно вечером или даже через несколько дней. Несмотря на голод и лишения семьи, она каждый раз оказывала материальную помощь партизанам. Хотя она любила жизнь, но ежедневно рисковала ей. Она доставила на свою квартиру в школу раненого партизана, оказала ему медицинскую помощь, а затем переправила в партизанский отряд. Когда в селе Коковчино остановились немцы, она немедленно сообщила партизанам. С риском для жизни, она распространяла листовки среди населения.

Хромченко Раиса Степановна пишет: «Декабрь месяц 1943 года стал роковым в жизни моей сестры. Было это 12-13 декабря в 10-11 часов утра. К ней пришло трое партизан, не успели войти в комнату, как для меня неизвестная женщина, прибежала и сообщила, что едут немцы. Партизаны вступили в бой, одного ранило в ногу, и его захватили в плен, а двух убили насмерть. Анна Григорьевна и я, пока разобрались в обстановке, прошло какое-то время, и путь был отрезан. Вся деревня была окружена немцами и полицаями. Нас вместе с жителями всего села погнали в деревню Догановка (3 км от Коковчино), где находилась немецкая комендатура. Помню, Аня вела своего сына за руку. Ему тогда было 5 лет, а я

несла ее дочь, которой было 4 годика. С нами шла свекровь Анны Григорьевны. Это была последняя для моей сестрички дорога. Фашисты стремились устрашить людей и показать свою власть над безоружными матерями и детьми. Когда нас вели в Догановку, Анна мне сказала: «Я чувствую, что меня расстреляют, но я смерти не боюсь, только детей жалко». Меня она предупредила, чтобы я ни в коем случае не признавалась в родстве и не выдавала своих чувств. Как только жителей деревни привели к комендатуре, сразу вышел переводчик и спросил: «Кто есть учительница Лешко? Выйти из строя». После третьей команды Анна Григорьевна вышла и ее повели в комендатуру. Несколько раз ее водили перед строем согнанных крестьян и требовали указать или назвать фамилии партизан и членов их семей. Каждый раз она отвечала: «Я ничего не знаю, спрашивайте у старосты». Последний раз ее привели после пыток, окровавленную, с распухшим лицом, выбитыми зубами. И на этот раз про партизан ничего не сказала. Ее ввели в погреб, заменивший тюрьму, трое немцев, она одного из них оттолкнула и побежала к детям, поцеловала и сказала, что она больше не вернется.

Стало темнеть. Пользуясь движением жителей и сменой охраны, я незаметно отошла от комендатуры, а затем задворками выбежала из деревни. За мной следом вышла машина, стали стрелять. Я упала в снег. Не знаю, сколько прошло времени. Я ползком поползла, потом встану, опять пробегу, опять лягу в снег. Так я добралась до деревни Беленево. Там меня пустила переночевать женщина. Я вся замерзла. Она мне оттерла руки, ноги и положила на печь согреться. Так я провела ночь у этой женщины. Утром я вернулась в село Коковчино. Квартира Анны Григорьевны была пустой, все забрали. Я решила идти в Догановку, по дороге встретила свекровь Анны Григорьевны, она шла с детьми. Я взяла Жанночку на руки, а свекровь вела Алика. В эту ночь мы дома не ночевали, а ушли к соседям, где были два дня. Старуха каждый день ходила в Догановку. На третий день, когда она пришла, рабочие, которые там работали вблизи от того места, где Анна Григорьевна сидела, сказали, что часа два назад ее расстреляли. Выйдя из погреба Анна Григорьевна сказала эти рабочим: «Здравствуйте и досвидания». Стрелял ее немец. Звали его Макс. Расстреляли ее в лесу, что возле Догановки...

Милая моя, хорошая сестричка, ласковая мама, мирный и храбрый наш солдатик, добрый человек мой. Я никогда не забуду твои тревоги, хотя ты их от меня скрывала».

Воспоминания мужа Анны Григорьевны, Лешко Василия Константиновича (архивные документы)

«Я с радостью и благодарностью воспринял предложение Коковчинских товарищей написать воспоминание о жизни и работе Анны Григорьевны Лешко – Коковчинской учительницы, коммунистки, моей жены. И думал написать его сходу. Но, оказалось, не так – то легко писать о самом близком человеке, разделившим с тобой тревоги и радости студенческих лет, счастье первой любви, радости отцовства и материнства, первые радости и тревоги учительского труда, тяжело писать о человеке, который сам не дописал свою историю, не дошел до той

отметки, на пути к которой не щадил себя и которую мы привычно, а подчас без вкладывания смысла должного называем «Победа».

Трудно и очень даже трудно писать о человеке, который пренебрегал опасностями в жизни только ради одного, чтобы сердце свое сохранить чистым, чтобы оно принадлежало лишь тому, для кого рождено и пробуждало сердца других.

А почему трудно? Да потому, что оказывается, что при жизни нашей слова, мысли, которые сегодня рвутся из-под пера на бумажную строчку, были сокровенными. Они не произносились вслух. Они не замечались, не высказывались, они скрывались где-то внутри нас. Обнародовать их и сегодня запретно.

Но я должен исполнить свой долг и когда я стал думать, мне показалось, что покойная Анна Григорьевна, Аня разрешила бы мне написать про нее следующее. Любовь окрыляет человека

Да, у нас была настоящая крепкая любовь. Где, когда она зародилась, в чем она проявлялась – не скажу, трудно. Скажу лишь одно, когда я с Аней познакомился в 1934 году, на памятном для нас студенческом торжестве, посвященном годовщине со дня выхода Постановления ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школе. Я как – то нравственно обогатился, стал чище в своих помыслах, опрятнее в одежде, настойчивее в одежде. Стал бегать быстрее и успевать больше. А спустя два года, когда наконец, закончился период «взаимопроверки чувств». И я добился признания взаимности в ее чувствах, ощущил счастье быть любимым, я почувствовал себя в положении, про которое говорят «На коня взобрался» или «В небесах летает». Несмотря на то, что мы не были вместе (она еще училась, а я работал в Заstadtольской школе), я, казалось, озарял своей радостью весь мир, как самый счастливый человек на земле.

Это чувство сохранилось в наших взаимоотношениях навсегда. Оно пережило и границы черного дня физической смерти Ани. У нас не было ссор, нам было чуждо чувство недоверия. Мы не делили обязанности в семье, понимали друг – друга в работе. Мы просто трудились, порой сверх сил уставали. Радовались за детей, часто спорили о проблемах будущего семьи, о методах воспитания детей, но всегда были взаимоувлечены друг другом, старались облегчить, услужить друг другу, искали друг друга и скучали друг без друга.

Молодость сама по себе красива, но мы понимали, что и ее надо берегать. И мы, как только могли, берегли ее. Когда мы были вместе, особенно с детьми, нам завидовали, и мы считали свою жизнь самой образцовой, перспективной, свой выбор самым удачным. Короче, мы себя чувствовали счастливыми.

Тяжесть нашей разлуки, при моем уходе РККА была безмерна. Но мы и ее могли украшать. Почти два года мы переписывались. Не помню точно, мы кажется не договаривались, но сложилось само собой по себе так, что писали друг другу до педантичности регулярно – ежедневно или через день. Собственно говоря, это были письма в обыденном смысле. В них мы друг другу говорили привычное «здравствуй», делились впечатлениями дня, отвечали на вопросы, задавали друг

другу новые вопросы. Конечно, в письмах мы мысленно обнимались, проверяли пульс сердца друг друга.

Но, грянула война. Тревоги и печали за судьбу страны переплелись с тревогами за судьбу друг друга, детей, родных, близких. Украшать свою разлуку стал нечем. Мы не успели опомниться, не успели обменяться самым необходимым, самым желанным, хотя бы одним словом, как линия фронта черной пропастью легла между нами.

Осталась только любовь - обнаженная, беспомощная, жгучая ноющая и тяжелая. Нет, не то слово. Она была не в тягость. Она не чувствовалась лишним килограммом в вещевом мешке за спиной. Она стала каким – то внутренним качеством, состоянием мозга, мускул. Она замораживала, консервировала физические, нервные, духовные силы. Она заставляла думать, быть расчетливым в затрате сил. Она отвлекала от ощущения тягот, лишений, от всего постороннего, что мешало, соразмерено и уверенно идти вперед, к победе, навстречу друг другу. Борьба с черными силами фашизма переплелась воедино с борьбой за приближение этого дня, встречи. Как громовые стрелы режут на куски ночное небо, горе разлуки разрывало наши сердца. Это бушевала любовь. Она твердила безостановочно – днем и ночью, в походе и на привалах, в строю и во сне: только бы победить, только бы встретиться. И мы верили в эту встречу, как верили в саму победу, как верили друг другу.

Буря – ее стихия.

В тот памятный год 1934-й она запомнилась мне слишком маленькой, щупленькой. Как и сам я в дешевеньком хлопчатобумажном костюме. Берет, синяя полинявшая от стирки соколка с белым воротничком. Обыкновенный белый хлопчатобумажный костюм, белые парусиновые туфли, начищенные зубным порошком – были тогда выходными, для встреч. Потому, что Аня была слишком худенькой – нос от этого выглядел длинным и острым, как у утенка, а частые простудные болезни и кашель наводил на подозрение, что она лёгочно - больная.

Встречаться нам слишком часто в то время не приходилось и мы еще «секреты» свои начисто друг другу не выкладывали. Но вот однажды, весной 1935 года Аня со слезами на глазах поведала мне, что мать помогать не может и не возражает, если она бросит учебу и пойдет на производство или в колхоз. В разговоре я почувствовал огорчение, но будучи сам малоопытным, ограничился состраданием. Уже позже узнал, что она нашла квартиру подешевле, бросив общежитие, перебралась туда. Вечерами и рано утром возила воду, мыла, стирала, готовила дрова, чем обеспечивала себе лишнюю (к студенческой столовой) тарелку супа и избежала оставление учебы. Уже осенью 1935 года, когда материальное положение в стране стало улучшаться, окреп колхоз, где работала мать, она перешла на другую квартиру, но уже без подработок, где прожила до окончания института.

Помниться мне случай, когда я, летом 1935 года, как студент выпускник, будучи в Москве на экскурсии, захотел купить Ане какой-то сувенира в качестве первого в жизни подарка. «Сбережения» мои студенческие (35-40 копеек) брошку с изображением, какого – то жучка. Когда я при первой встрече вручил ей свой

«подарок», она вежливо поблагодарив меня, на целый вечер затеяла разговор на тему как надо понимать дружбу, как тратить средства и нужны ли вообще подарки среди студентов, которые, иногда, не обеспечены самым необходимым.

В скором я мог убедиться, что Анна Григорьевна, закалив свою волю в борьбе с трудностями, воспитав чувство требовательности к себе в достижении цели, уже тогда не шла по пути наименьшего сопротивления, не шла на сделку с совестью, не пасовала перед трудностями и всегда добивалась осуществления намеченного. Если она за что бралась, то делала серьез, без рисовки, не требовала к себе лишнего внимания. Любое дело выполняла буднично, основательно, в труде всегда находила наслаждение и ее жизнерадостность, простота и доброта как – то невольно передавались окружающим. Здоровье – же ее, обыкновенной щупленькой девушки, а позже матери никогда не подводило ее и оказалось превосходным.

Случилось так, что первый сын, Алик, должен был родиться в тот момент, когда у студентов – выпускников закончился учебный год и началась подготовка к государственным экзаменам. Аня понимала трудности положения, оценила, что значит прервать учебу и сдавать государственные экзамены позже, после перерыва в учебе, и не воспользовалась ни одним днем положенного декретного отпуска до родов. 31 марта 1938 года она еще работала в читальном зале. Оттуда ее забрала карета скорой помощи, а 2 апреля я получил телеграмму, что 1 апреля стал отцом сына. Когда – же я приехал в институт с целью забрать жену с сыном, она уговорила мен не делать этого, ради того, чтобы не переносить на другое время государственные экзамены. Воспользовались услугами квартирной хозяйки и подруг – студенток, она уже в апреле пошла, сдавать экзамены и зачеты, а в июне, наравне с другими, вышла на государственные экзамены и успешно их сдала.

Рождение дочери Жанны в 1939 году припало на период начала экзаменов в школе, и на этот раз она довела все уроки в школе, предупредив, чтобы я, как директор, запланировал экзамены по географии и вообще ее участие в экзаменах с 26 мая. На предложение не делать это, а поберечь здоровье, устроить вызов преподавателя другой школы, заявила, что «везде учителя заняты» и что «это не вызывается необходимостью» 19 мая провела последний урок, а 21 мая родила дочь Жанну, а спустя 4-5 дней пришла на экзамены и провела их по расписанию, в обычном порядке. Позже пожилые учители шутили, что откуда Вы выкопали такую жену, это ведь клад.

Никогда я не посещал уроки Анны Григорьевны, передовая эту обязанность заведующему учебной частью. Последний же всегда заявлял, что ему там делать нечего, что методическая сторона, дисциплина, интерес к предмету учащихся обеспечен. Это я не мог не заметить и сам. Она умела владеть классом, не прибегая к повышению голоса, ни к тому, чтобы удалять ученика из класса. Ее всегда понимали ученики так же, как и она их.

Я знал материальное положение семьи после ухода в армию. Старенькая и больная мать, двое маленьких детей. На одну зарплату не жирно. К тому же большая перегрузка па работе в школе. Но никогда ни в одном письме не имела жалобы на трудности или хотя – бы намеков на трудности. Наоборот, в каждом

письме сообщение о помощи колхозов, о приобретении в магазине лапши, сахара, о мясе по сходной цене на Смольянском рынке, и ничего больше, кроме неизменного: «Ты не беспокойся, дети растут хорошо, все хорошо, всем обеспечены».

Конечно, я понимал какой ценой ей достается и что кроется за этим «все хорошо». И сам, как мог, жил интересами семьи, даже умудрялся посыпать посылки с сахаром от солдатского пайка, а летом 1940 года даже выслал Ане зимнее пальто за свои сбережения (к тому времени я был командиром заместителя политрука роты).

Осенью 1940 года мы завели разговор о моем краткосрочном отпуске. В одном из писем Аня писала, подобно тому, что она могла бы достать справку врача о болезни матери или детей, но это ей противно. Содержанием письма я поделился с политруком роты, а тот с комиссаром полка. К моему удивлению я получил отпуск даже без рапорта и вызова к военкому. Политрук же позже меня разыграл по этому поводу. Когда я представился ему о выезде, он в шутку заметил «это тебе за честность». Когда же я смущенно стал говорить, что вроде – того, «стараюсь», он с громким смехом произнес «Не понял, это за честность жены» и рассказал мне, как комиссар был доволен письмом жены.

Это была последняя встреча с Аней и с моим любимым сыном Аликом, дочерью Жанной. Вид ее был уставший, но веселый, жизнерадостной женщины. Уважение в коллективе учителей и среди учащихся вселяло чувство гордости. Взаимоотношением с моей матерью я не мог не нарадоваться. Никто из посторонних семьи никогда не мог определить, кем моя мать приходится Ане – матерью или свекровью. Еще больше я оценил хозяйственные старания жены: обеспеченность семьи, уход за детьми был ничуть не хуже многих учительских семей с мужьями. Врезалось в память еще одно. Аня понимала международную обстановку. Серьезно готовилась к роли матери, к тому, чтобы взять на себя все бремя. Позже я подумал, что она просто хотела меня успокоить и вселить в себя уверенность, но она неоднократно подчеркивала ту мысль, что я солдат, могу погибнуть, а она мать, должна быть готова к случайностям, к тому, чтобы честно выполнить свой материнский и гражданский долг, что я должен быть спокоен за семью.

Провожала она меня ранним утром к поезду на разъезд Смольяны. Темень, сильный осенний встречный ветер. Идти нужно было быстро, Аня ни на шаг не отставала, все время шла рядом. Говорить на таком ветру было трудно. Да и о чем? Мы все переговорили и понимали друг друга по прикосновению пальцев рук, которые не разнимали. Время подсказывало, что мне надо спешить. Попытка прощаться... Но...еще...еще.... На каком-то бугре остановились. Замерли в объятиях. И тут она сказала последнее: «Иди» и знакомое «За меня не волнуйся». Когда я отбежал, это «не волнуйся, слышишь?!» до меня долетели через свист ветра. Уже светало, сколько раз я не оборачивался, она одиноко стояла на месте расставания. Правая рука поднята, ноги расставлены. Ветер бил ей в лицо, трепал шаль, легкое пальто. Перед тем как мне скрыться, а лощине я еще раз обернулся. А она все в той же позе и старом месте. Я обернулся и быстро побежал. Так и

запомнилась она мне стоящая против ветра. И почему – то на сердце было легко. Я верил, надеялся, что она устоит.

АЖА

Дорога войны стала более ровной. Казалось вот – вот, из-за соседнего леска покажется победа зарю. Но, она оказалась коварная...

Я стою перед тремя холмиками земли. 1100 дней и столько же ночей сердце рвалось сюда. Вот какая оказалась эта встреча! Сердце окаменело. Мысли застыли, как стоячая вода в луже. Голова отяжелела, словно ее наполнили свинцом. Лишь кровь в жилах бессознательно бунтует, как вода в перегретом радиаторе. Видимо на нее действуют запахи порохового дыма глухие, как сквозь землю вырывающиеся звуки канонады, приносящиеся с запада.

А кругом люди. И почему – то лица малознакомые. Молчаливые старики, мужчины на костылях, с палками. Женщины с высохшими глазами, подростки, дети. И все держатся около меня, будто подпирают. Кто-то сказал, что при допросах не выдала, а кто-то ... что перед палачами не заплакала. Ждали...Много – много ходила...себя не берегла...Кто-то стал причину искать...действовала, мол, слишком открыто...про какой-то расстрел изменщицы прямо в постели, на квартире в присутствии отца, про партизанские почести при похоронах...Алик убит в последний день ...при отступлении... им все равны. Валя умерла в начале войны.

Я стою, как вкопанный. Наконец, сознание стало просветляться. Она презрела все опасности жизни, боролась. Приняла честную смерть, чтобы сохранить чистым свое сердце. Партизанские почести, скучные слова односельчан, с поникшими головами, заменили ей лавровый венок на могиле. Аня устояла.

Сердце забилось учащенно, и я попросил Алика перехоронить в одну могилу со своей матерью. Минуты и мое желание быстро исполнено. Он на груди у матери, вместе с ней. Наконец, я должен с ними повидаться и попрощаться. Ведь еще неделю назад я думал о радостях жизни. И это мое желание тоже было исполнено.

Приоткрыта крышка гроба.... Один миг. Секунда это была или доля секунды, но какая-то сила, подобная силе грозового удара меня отбросила. Глаза инстинктивно закрылись и я в темноте прочел портрет, запечатленный навечно «живой, спящей безмятежным сном. Личико восковой белизны. Лобик широкий с двумя глубокими прорезями вверх, в волосики. Волосы светлые, вьющиеся. Красивая прическа. Лицо правильной формы - чистое, красивое, как на картинке. Только одно - от левой стороны шейки, от синего пятна, что под бородкой, ползут маленькие, рыжие, до тошноты противные мурашки. Почему-то по моему отпечатку я насчитал их семь. Я открыл глаза, а гроб уже был закрыт. На него сыпались комки земли.

Люди поодиночке стали расходиться. Наконец, я один. Ноги подкосились, и я присел на краешек свежей могилы. Один глоток самогона из фронтовой фляги.... Из левого кармана офицерской гимнастерки достал синий из хорошей шерсти кисет. На нем три вышитых красными и зелеными шелковыми нитками буквы АЖА. Только я знал их смысл. 1100 дней, все свободные часы и минуты уединения я отдал им. Фантазировал, измышлял как красивее, оригинальнее

расположить на шерсти начальные буквы трех дорогих сердцу слов: Аня, Жанночка, Алик. Вышивал и порол. Придумывал различные формы, зигзаги и переплетения букв. Разыскивал другие нитки. Вышивал снова. В этот кисет, полученный как подарок с тыла, не знавший запах табака, я вложил всю свою фантазию, душу, все горе, печаль, все свои пожелания, надежды на встречу, любовь.

Я раздвинул свежую песчаную землю у изголовья могилы, и чуть-чуть ниже от нее, и положил туда кисет.

Свой последний долг перед милыми сердцу я выполнил. Солнце уже стало опускаться, когда я услышал прикосновение к руке, а затем слова: «Папа, пойдем отсюда». И мы медленно пошли. Пошли с дочерью Жанной.

Написал слова «последний долг... выполнил» и сам покраснел. Как мы легко поддаемся привычным казенным фразам. Перед Аней я в вечном долгу. Она – моя совесть».

Лешко В. К. , муж Анны Григорьевны ЛЕШКО, бывший директор Коковчинской средней школы. 11 октября 1968 года г. Днепропетровск

Воспоминания жительницы аг. Коковчино, Митакович Анна Павловны

«Мои воспоминания о Лешко Анне Григорьевне больше связаны с ее детьми, а точнее с сыном Аликом. Алик был немного младше меня, но я всегда с удовольствием с ним играла. Моя мама часто помогала Анне Григорьевне по хозяйству. Алика, несмотря на то, что он был сыном учителей, отпускали играть с нами, сельскими детьми.

Больше всего мне запомнился один случай. Мы с подружками решили нарвать стручков боба на огороде Анны Григорьевны. А чтобы нас не ругали, взяли с собой Алика. Поставили его на краю грядок. Бабушка, которая жила с ними (свекровь Анны Григорьевны), вышла на огород. Алик не выдал нас, а стал громко кричать: «Кыш-kish», - будто гоняя кур. Мы долго смеялись над этим приключением.

Очень хорошо помню, как арестовали Анну Григорьевну. Мне шел восьмой год. Тогда всех жителей деревни Коковчино, согнали в д. Догановка, где была немецкая комендатура. Три дня всех продержали в сарае. Немцы не давали даже пить. Помню, как женщины подползали к дверям, загребали снизу снег и давали его нам лизать. Все плакали, боялись, что будут жечь. Но на третий день нас отпустили. Позже мы узнали, что Лешко Анну Григорьевну расстреляли.

После ее смерти свекровь и дети продолжали жить в д. Коковчино. Алик, сын Анны Григорьевны был убит во время отступления немцев в 1944 году. В те дни освобождения жители д. Коковчино прятались от снарядов в вырытых землянках и окопах. Почему Алик убежал и спрятался в кустах, никто не знал. После освобождения деревни его нашли мертвым.

-Столько прошло времени, вся жизнь прошла, - говорит Валентина Трофимовна, - кажется, давно пора забыть. А вот потянула ниточку и все вспомнилось будто вчера было.

Не дай бог, пережить еще раз такое нашим детям и внукам!».

Воспоминания ученицы Анны Григорьевны Лешко, жительницы аг. Коковчина, Руммо Анны Семеновны

«Прошло столько лет с тех пор, но в моих воспоминаниях Анна Григорьевна Лешко – маленькая хрупкая женщина в строгом костюме, рассказывает Анна Семеновна Руммо, жительница деревни Коковчина. Мне было 12 – 13 лет, когда я впервые увидела ее. Подвижная, всегда с улыбкой, она быстро входила в класс.

Время стерло с памяти слова, но сам образ остался. Что запомнилось, так это ее требовательность и строгость в отношении к учебе. В то же время очень любила устраивать праздники. Помню, Анна Григорьевна часто для проведения уроков, выводила нас на природу, были уроки на свежем воздухе.

Еще вспоминаю, как она играла со своими детьми, Аликом и Жанной. Мы завидовали им, ведь их мама – учительница! Нам, сельским детям, она казалась удивительной, непохожей на других.

Одевалась Лешко всегда строго: костюм, пальто. Этим она всегда отличалась от женщин деревни.

А еще говорила «по-городскому». Мы, девочки, старались ей подражать. Анна Григорьевна казалась нам необыкновенно красивой.

В годы Великой Отечественной войны я была вместе с матерью угнана в Германию. Не хочу вспоминать об этом времени. Только после войны я узнала, что случилось с Анной Григорьевной. Так оказалось, что могила

А. Г. Лешко находится рядом с могилой моих родственников и родных. Посещая их, всегда почту память Анны Григорьевны Лешко».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Воспоминания бывшего ученика, Кулик Михаила Михайловича.

Заключение

90 женщин удостоены звания Героя советского союза, среди них 49 посмертно.

Окончание войны общество всегда отмечало установкой памятников своим героям. Есть у нас могила «неизвестного солдата», статуя матери Родины, памятник генералам и маршалам СССР, девушкам – партизанкам и подпольщицам, но нет пока общего памятника всем женщинам, участвовавшим когда - либо в войнах.

В годы войны женщины совершали трудовой и боевой подвиг во имя победы. Велики их жертвы. Память об этом - в шуме оживленных проспектов, в едва уловимом позванивании наград на пиджаке седоволосого ветерана.

Женщина и война не совместимы. Но свой долг перед Родиной женщина умеет выполнить не хуже мужчин. Им было во много раз тяжелее, чем мужчинам, так как условия жизни на войне вступали в противоречие с женской природой. Кто-то из них пытался приспособиться к реальности, копируя мужские черты в поведении. Настойчиво пробиваясь сквозь ужас и ненависть, страдания и боль, образ женщины давал солдатам надежду и жизнь.

Анны Григорьевны, прожила хоть короткую, но достойную жизнь, преодолевая жизненные трудности, не жалуясь на судьбу, выполняя свой долг перед семьей, страной и краем. Последствия войны простираются далеко во времени, они живут в семьях и их преданиях, в памяти наших отцов, матерей, они переходят к детям и внукам, они в воспоминаниях. Война живет в памяти всего народа.

Мир не должен забывать ужасы войны, разруху, страдания и смерть миллионов. Это было бы преступлением перед будущим, мы должны помнить о войне, о героизме и мужестве прошедших ее людей. Бороться за мир - обязанность живущих на земле, поэтому одной из важнейших тем нашего времени является тема подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Наше поколение о войне знает в основном из уроков истории, литературы. Все меньше остается ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла. Мы с уважением относимся к этим людям, к их прошлому и настоящему, преклоняемся перед ними. Нам есть чему у них поучиться.

Стойкость в испытаниях у тружеников тыла в те далекие военные годы, лучшие качества человека: патриотизм, чувство долга, ответственность, самоотверженность.

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда,
Об этом не забудем!
Пусть память верную о ней,
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки!

А. Твардовский

Список используемой литературы

- 1.Архивные документы и фотографии Коковчинской средней школы
- 2.Письма с переписки с Ж. В. Лешко (Анохиной), А. М. Анохиной
- 3.Стишов Л. И. «В тылу и на фронте»
- 4.Смирнов В. И. «Подвиг Советского крестьянства»
- 5.Муромцева В. С. «Советские женщины в Великой Отечественной войне»
6. Введенский Б. А. «Энциклопедический словарь»

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

13.04.15г.

Уважаемый тов. Директор!

К Вам обращаюсь Ваша землячка из
далекого Забайкалья - Анохина Евгения Николаевна
Лешко / Иванова Васильевна.

Присоединяется великая дама и великий
праздник день 70-летия Великой Победы
над фашистской Германией. Это была
победа не только Советского Союза, но всего
советского народа. Я поздравляю Вас
с этим величественным праздником - Вам,
Вашим учителям и всеми моими землячками.
Я, когда ~~была~~ еще ребёнком, слыхала
хорошо поют, когда она бывала эта
весна. Не знал бог такого повторять.
Когда по телевидению показывали собы-
тия на Украине, становились спрашивать.
Ведь это были братские люди, не родняне,
не делались они нацией, а назывались
родиной все вместе.

Простите, что у меня такое глупое
вступление.

Моя мама Лешко Ивана Григорьевна до
войны была учительницей географии Вашей гор-
ода еще старой школы. Папа Лешко Васильев
Константинович был директором школы
до призыва его в армию в 1939 году.
Они оба воевали - он в действующей ар-
мии; а она - в боях свободы в партизанском
отряде борца Заслонова. Отец остался

мече ~~шия~~ фронте погибли ~~Чего брата~~,
а мальчик ~~заслуженный~~ расстрелян в 15 декабря
1943 г. в день ее 27-летия. Родители мои
были более ~~поддомашни~~.

Похоронена племянница на Всеми християн-
ских кладбищах вместе с младшим братом
Анискоем.

В связи с темой я обращаюсь к Вам
с величайшей просьбой — ко дню Победы
просить Вас привлечь в порядок в МИСХ
и учесть пожелания моих близких
и племянника Аникона Анискоя. Похоронен он в деревне.
Я, к сожалению, сама не приехала к ним
многу, так как ушел папа 76 лет и я недавно
перенесла ее одну операцию на глазах —
без сопровождения было трудно. Я ч-
твела, как курчиха пансион изберется
за это.

При сообщении, что в 1984 г. наложили
на племянника Анискоя обвинение. За это бывшее
мене спасибо.

Я надеюсь, что моя просьба Вас
не очень загружает — у нас в Беларусии
ничего нечистого под собой не осталось.

Я тоже была учительницей до ухода на
пension, имела звание "Учителю ~~настрадавшему~~"
"Одноклассик народного просвещения", "Благодарен
трудом". Сейчас выступаю перед учениками.
Рассказываю правду о подвиге нашего народа,
о свидетельствах. Еще раз — с профилактикой
и КПД и Религией поддерж! Благодарю СБР.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Фотография дочери А. Г. Лешко, Жанны Васильевны Анохиной (Лешко),
внучки Анны и мужа Жанны Васильевны, Михаила Ивановича

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Письмо Алехиной Анны Михайловны

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Воспоминания бывшего ученика, Кулика Михаила Михайловича

3

